

МАЛЕНЬКИЙ СОЛДАТ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

ВЛАДИМИР МОРОЗ

ЗА ОТВАГУ

Маленький солдат большой войны

Владимир Мороз

За отвагу

«Реноме»

2014

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мороз В. В.

За отвагу / В. В. Мороз — «Реноме», 2014 — (Маленький солдат большой войны)

ISBN 978-5-91918-637-3

Конец лета 1941 года. Красная армия отступает. Группе разведчиков приказано любой ценой добыть языка и успеть к переправе, которая вот-вот должна быть взорвана. Но все пошло не так, как планировалось. В результате они остались вдвоем: русский разведчик и немецкий солдат. И впереди у них длинная дорога, полная трагических приключений и немыслимых событий. Только для одного — это путь домой, а для другого — в плен.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-91918-637-3

© Мороз В. В., 2014
© Реноме, 2014

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Мороз

За отвагу

Во время сильных потрясений, война это или революция, проявляется одно интересное свойство: люди сбрасывают свои маски, и сразу становится заметно, кто есть кто...

Предисловие

В конце девяностых годов прошлого столетия, в марте, когда зима уже отступила, предоставив власть ранней весне, в небольшой немецкой деревушке, что рядом с Мюнхеном, умер пожилой мужчина. Он давно жил один, дружбы ни с кем не водил, и поэтому соседи считали его отшельником. О его смерти они узнали от полиции, в которую обратился почтальон, сообщивший, что уже почти неделю старик не забирает почту. Уехать он вряд ли мог, поскольку последние годы уж точно деревню не покидал.

После того как на многократные звонки в дверь никто не ответил, полиция выломала дверь. Зайдя в дом, полицейские сразу же уловили запах разлагающейся плоти. В спальне прямо посреди кровати в черном костюме и лакированных туфлях, скрестив руки на груди, лежал сам Хейнц Бергер, вернее его тело. А душа уже давным-давно была там, куда ей было начертано улететь после смерти хозяина.

Внимательно осмотрев тело, прибывшие на место криминалисты не обнаружили следов насильственной смерти. По всему получалось, что Хейнц умер от старости или от какой-то болезни. Тело отвезли в морг ближайшего городка для вскрытия, а полицейские отправились по соседям, чтобы хоть что-то узнать о родственниках старика и известить их о случившемся горе.

Проживавшая в доме напротив такая же древняя, как и Хейнц, старуха подсказала, что у старика был сын, сейчас проживающий то ли в Мюнхене, то ли в Штутгарте. Последний раз она видела его почти полгода назад, когда он со своей семьей приезжал сюда на Рождество. Покопавшись в рабочем столе старика, молодой стажер-полицейский Гельмут Кобленц, которому поручили найти родственников, наткнулся на небольшой клочок бумаги с телефонным номером. Судя по тому, как бережно хранился этот листок, он был важным для хозяина. Позвонив по указанному номеру, полицейский действительно попал в дом сына Хейнца. Тот, узнав о случившемся, сказал, что немедленно выезжает и завтра утром будет на месте.

На следующий день в полицейский участок зашел взволнованный светловолосый мужчина в черном строгом пальто и дорогом костюме. Дежурный, узнав, кто перед ним, предложил немного подождать, так как нужный сотрудник вот-вот должен был вернуться с очередного задания. Мужчина вышел во двор, сел на скамейку и закурил, пытаясь хоть немного успокоиться. О его внутренних переживаниях наглядно говорили бледное лицо и трясущиеся руки. Ждать пришлось почти час. Все это время мужчина не переставал курить одну сигарету за другой, пока дежурный не предложил незнакомцу выпить сердечных капель или просто стакан воды. Мужчина поблагодарил за заботу, но отказался. Наконец появился Гельмут. Он подошел к скамейке и уселся на краешек.

– Все мы не вечны. Примите мои искренние соболезнования, – сказал он, немного помолчав. – Вы сын Хейнца Бергера? Тело вашего отца сейчас в морге. Вскрытие показало, что он умер во сне: остановилось сердце. Что ж, пожалуй, это не самый плохой вариант. По крайней мере, смерть была легкой и незаметной. Похороны завтра на деревенском кладбище, если вы не возражаете. Обо всем позаботился муниципалитет, так как ваш отец был ветераном той

войны. Пройдемте ко мне в кабинет, нужно заполнить кое-какие документы. Это не займет много времени.

Мужчина молча кивнул головой и встал, поплотнее запахнув пальто, как будто замерз, хотя на улице было очень тепло.

– Присаживайтесь. Может быть, чаю или кофе? – предложил Гельмут, когда они вошли в его заваленный бумагами небольшой кабинет.

– Нет, спасибо, – мужчина уселся на стул для посетителей, опустив голову и стараясь не смотреть на Гельмута, будто провинившийся школьник, – не хочется. Поймите мое состояние: отец был для меня самым лучшим и близким человеком на свете. И вот его нет, это произошло так неожиданно. Не могу себе простить, что так редко навещал его. Работа, семья, дом – все это засосало. Он ведь меня всегда ждал. Хотя и не показывал вида. А я сам себя обманывал, что обязательно приеду, но вот только чуть-чуть попозже, как доделаю отчет, или выздоровеет дочка, или поменяю машину, или съездим на море. Не хотелось верить, что годы идут, что отец рано или поздно уйдет туда, на небо. И вот его уже не вернуть, прошлого не исправить. Мне очень его не хватает. Кажется, что какая-то часть меня исчезла навечно после вашего вчерашнего звонка.

Он поднял голову, в глазах его блеснули слезы. Гельмут подошел к кулеру у входа и налил стакан воды:

– Выпейте, прошу вас. Знаете, всему тому, что с вами сейчас произошло, есть только один доктор. И зовут его Время. От этого уже не избавиться, не выбросить из памяти, утрата всегда остается утратой. Только потихоньку вся ее острота сгладится. Поэтому сейчас вам нужно крепиться, держаться. Уделите больше внимания своей жене, дочке и поверьте: ваш отец, наблюдая за вами с небес, будет только рад.

Полицейский открыл стоящий около стены сейф, немного покопавшись, вытащил большой пухлый конверт и легким движением канцелярского ножа вскрыл его. На свет появились документы, связанные со смертью Хейнца. Когда вся необходимая в таких случаях бумажная работа была закончена, Гельмут аккуратно сложил в пластиковый файл часть документов и положил их на край стола. Остальные бумаги убрал обратно в конверт.

– Это документы для вас. Теперь вы можете проехать к нотариусу, у которого хранится завещание вашего отца, адрес указан прямо на конверте. Позвольте только задать вам парочку вопросов. Они к делу не относятся, скорее, это мое праздное любопытство. Если не хотите, можете не отвечать.

– Задавайте, – мужчина вытащил платок и смахнул вновь накотившие слезы.

– Когда мы обнаружили вашего отца, он лежал в своей кровати одетым торжественно, руки были сложены на груди. То есть он знал или чувствовал, что умирает. После того как тело привезли в морг, во время вскрытия доктор заметил одну вещицу, которая лежала прямо на груди, прижатая руками. Таким образом, я предположил, что этот предмет был чрезвычайно важен для вашего отца, раз он захотел забрать его с собой в могилу.

Гельмут снова взял в руки файл с документами, вытащил из него небольшой бумажный сверток.

– Вы знаете, что это? – спросил он, вытащив старую медаль. Вопрос был не случаен: таких наград Гельмут раньше никогда не видел. На круглом кусочке потемневшего металла был нарисован странный танк с тремя башнями, немного выше него – три самолета, летящие друг за другом. Посреди круга виднелись какие-то слова на непонятном языке, а снизу – четыре буквы: СССР. Медаль крепилась к небольшой подвесной прямоугольной колодке, покрытой красной тканью.

Мужчина осторожно, будто металл был очень хрупким и мог рассыпаться от любого неверного прикосновения, взял медаль. И снова на глазах у него выступили слезы.

– Отец очень дорожил этой вещью. Он мало рассказывал про нее, говорил только, что это подарок друга с той войны. И хотя он прошел ее всю, от начала до конца, на встречи ветеранов не ходил, да и не любил вспоминать то время. Я очень хочу, чтобы эту медаль положили к нему в гроб. Думаю, поэтому она и оказалась у него под руками.

– Не возражаю, раз вы исполняете его волю. Не вижу здесь ничего противозаконного. Позвольте последний вопрос. Еще раз простите за мою назойливость.

– Ничего. Задавайте. Мне некуда больше спешить.

– Спасибо. Только прошу не считать это нетактичным по отношению к вам. У вас странное имя: Базиль. Откуда оно?

– Так захотел отец. Говорил, что назвал меня в честь великого человека, с которым его свела судьба на той войне. Из-за этого он даже сильно разругался с моей матерью: она была против такого имени. В результате именно из-за этого они и расстались. Мать уехала, создала новую семью, а отец воспитывал меня сам. Он был для меня всем, и даже больше. Я знаю, у него была какая-то тайна, которую он хранил в душе и никого не допускал к ней. Даже меня. В последний раз, когда мы гостили с семьей у отца, на Рождество, он обещал рассказать мне в следующий приезд одну интересную историю. Думаю, что именно про это. Но не успел.

– Выпейте еще воды, – Гельмут заметил, что по щекам мужчины текли слезы.

Когда Базиль Хейнц ушел, полицейский вытащил из сейфа сделанную на всякий случай фотографию медали и внимательно стал всматриваться в нее. «Да уж, у каждого свой скелет в шкафу», – подумал он. В этот же вечер, вернувшись с работы, Гельмут включил компьютер и погрузился в мир интернета, пытаясь найти так заинтересовавшую его вещь. Просматривая бесчисленные каталоги, уже под утро он нашел то, что искал. Но сделанное открытие не столько расставило все точки над «и», сколько запутало его еще больше. Оказалось, что эта медаль, так бережно хранимая стариком Хейнцем, принадлежала какому-то русскому солдату и называлась «За отвагу».

«М-да... Вообще ничего не понятно, – думал Гельмут, лежа в кровати и пытаясь уснуть. – Немецкий солдат дорожит памятью о советском солдате. Да так сильно, что хочет унести кусочек этой памяти с собой на тот свет. Что же там произошло, на той войне?»

Глава 1

Стояли последние дни августа 1941 года. Под сильным давлением отлаженной немецкой машины обескровленная Красная армия откатывалась на восток. В начале месяца немецкие танки 2-й танковой группы Гудериана свернули с намеченного маршрута на Москву и по приказу верховного главнокомандования двинулись на юг, нацеливаясь восточнее Киева. Одновременно танки группы армий «Юг», окружив в безлесной местности около Умани две советские армии и оставив пехотные части добивать красноармейцев, рванули на север, в сторону Днепра. Назревало окружение всего Юго-Западного фронта, но об этом в высоких штабах Красной армии предпочитали пока не думать, а может, просто не хотели перечить воле самого Сталина, который приказывал «держат Киев любой ценой».

19 августа в боях был потерян полуокруженный Гомель, 22-го немцы вошли в оставленный накануне Мозырь, 23-го заняли Речицу. Их передовые отряды, казалось, сновали везде, стремясь как можно скорее занять любой оставленный рубеж, захватить новый плацдарм через реку.

Отводя части своих 3-й и 21-й армий на юго-восток, чтобы закрепиться на новых оборонительных рубежах и избежать окончательного окружения этих двух небольших, основательно потрепанных в боях соединений, Красная армия покидала территорию Белоруссии. В районе старинного города Лоева было построено восемь переправ через Днепр, чтобы войска как можно скорее смогли оторваться отседающих гитлеровцев. По случайному стечению обстоятельств последней из многострадальной Белоруссии уходила 42-я стрелковая дивизия, принявшая свой первый бой рано утром 22 июня 1941 года в районе Бреста. И вот сейчас два ее поредевших и несколько раз комплектовавшихся практически заново полка сдерживали наступательный порыв немцев, давая возможность своим товарищам по оружию поскорее перейти Днепр.

Накануне начала собственной переправы через реку в штаб одного из полков вызвали разведчиков. Нужно было во что бы то ни стало захватить пленного. Высокое командование очень сильно интересовало, не появились ли перед ними новые немецкие части. Кратко обрисовав ситуацию бывалому командиру разведроты, начальник штаба полка приказал тому выделить трех самых опытных человек для выполнения важного задания.

– Действовать нужно решительно и быстро, времени на подготовку нет. Завтра днем мы подойдем к Днепру и сразу под прикрытием моряков Пинской флотилии начнем переправляться на тот берег. Как только перейдем мосты, они тут же будут взорваны, чтобы не дать возможности немцам прорваться на ту сторону на наших плечах, – наставлял начштаба. – По плану эти самые мосты должны были взорвать рано утром, но мы не успеваем к переправе – сам видишь, как немцы жмут. Все время приходится драться. А побежишь – верная смерть. Вот и отходим по всем правилам воинской науки. Договоренность со штабом армии есть, они отложили взрывы. Ждут нас. Поэтому твои бойцы должны обязательно успеть к этому сроку. Понятно?

– Так точно, товарищ подполковник, понятно. Справимся, вы же нас знаете, – командир разведроты старший лейтенант Тишкевич подошел к карте, лежащей на столе, на которую начштаба наносил карандашом новые значения.

– Кого пошлешь?

– «Стариков» пошлю. Старшина Кузьмин пойдет, с ним младший сержант Волков, ну а третьим Васька Доброхотов будет, хороший малый. Опытней, пожалуй, у меня и не сыщешь. Все от самой границы с нами идут. Волков, правда, к нам под Жабинкой из 6-й стрелковой дивизии прибил в первый день. Хороший хлопец, боевой. Помните, комполка разрешил оставить?

– Ну да, помню, – начальник штаба грустно усмехнулся, – с ним тогда еще полвзвода пришло тех, кто первый налет пережил. И все как один с оружием, правда, полураздетые и без сапог. Помню, как из-за этого потом в Жабинке с начальником склада ругался. Тот ни в какую не хотел выдавать обмундирование. Так бы и отдал все немцам, бюрократ чертов. Пришлось ему пистолет к голове приставить, чтобы ворота открыл. А через час там уже немцы хозяйничали. Так эта сволочь потом на меня командиру дивизии еще и доносы писала. Хорошо, что наш Лазаренко его открытым текстом послал и пообещал в окопы отправить за такое. Сразу заткнулся. Потом, правда, интенданта этого немецкий танк раздавил, когда тот помогал артиллеристам пушку вытаскивать из грязи. Ну ладно, это все лирика. Завтра утром пленный, желательно офицер, должен быть у меня. Если вопросов больше нет, то выполняй.

– Есть, – Тишкевич козырнул и вышел из штабной палатки.

Первым делом он вызвал к себе троицу разведчиков, которые и стояли сейчас перед ним, внимательно слушая новый приказ. Командир понимал, что люди устали и вымотались, особенно за последнее время. По ночам полк, прикрываясь темнотой, отходил на новое место, чтобы успеть занять и подготовить к обороне очередной рубеж. А вот его разведчикам приходилось не только вести ночные поиски, производить диверсии, но и под утро догонять отошедший полк, чтобы днем вместе с пехотой сдерживать наступление врага своими небольшими силами, используя засады и выкопанные за короткую летнюю ночь неглубокие окопчики. Таким образом, наступающих немцев заставляли разворачиваться из походных колонн в боевые порядки, подтягивать артиллерию и самоходки, вызывать авиацию, основательно обрабатывать минами, снарядами и бомбами передний рубеж обороны, затем атаковать. А в это время основные силы полка, оставив небольшой отряд прикрытия, уходили к месту новой засады, чтобы там снова ненадолго задержать немцев. И так без отдыха, без сна, без горячей пищи, круглые сутки на ногах.

– Ясно, товарищ старший лейтенант, все как обычно, сделаем, – подал голос старшина Федор Николаевич Кузьмин, невысокий коренастый пожилой сибиряк с седыми широкими усами, который служил в дивизии с самого ее основания. До этого он проходил службу в строительном батальоне Карельского укрепрайона, из различных частей которого 17 января 1940 года и появилась на свет их родная 42-я стрелковая дивизия. Старшина славился своим спокойствием и невозмутимостью в любых, казалось, даже самых безнадежных ситуациях. Крепкая сибирская закалка, природная острота ума и степенная рассудительность позволили ему пройти финскую войну без единой царапины, сменив саперную лопату на маскхалат разведчика. Он никогда не говорил лишнего, но при этом, пожалуй, не было ни одного задания, которое бы он провалил или не доделал до конца. В Бресте у старшины остались жена и трое детей, которые жили в домах комсостава в самой крепости. В самом начале войны, когда в 4 часа 15 минут первые залпы артиллерии обрушились на мирно спящую страну, он выскочил из дома и, одеваясь на ходу, бросился к себе в разведроту, успев только крикнуть жене, чтобы брала детей и спускалась с ними в подвал. На прощание времени не было. И вот уже более двух месяцев он не знал, живы ли его близкие и что с ними. Говорили, что по комсоставовским домам немцы лупили особо сильно. Впрочем, похожие вопросы мучили многих командиров, кому удалось не погибнуть в первые часы после обстрела и прорваться сквозь пулеметные очереди немецких диверсантов на свое место службы.

Вторым из тройки разведчиков был младший сержант Андрей Тихонович Волков: высокий плечистый брюнет родом из-под Харькова. Его призвали еще в 1938 году, полковая школа младшего комсостава добавила еще один год к срочной службе, так что демобилизоваться ему надлежало только этой осенью. Однако война испортила все мирные планы, которые Андрей строил, а были они простые: после службы поступить в педагогический институт и стать, наконец, настоящим преподавателем, как отец. Он мечтал о том, что будет учить детишек умразуму, заполнять их светлые головы различными знаниями, которые потом обязательно при-

годятся в жизни. К полку Андрей прибился вместе с горсткой сослуживцев, вырвавшихся из объятаго пламенем Бреста. К месту сбора своей 6-й стрелковой дивизии они пробиться не могли: уж слишком много снарядов летело туда из-за реки, превращая все в кромешный ад. Так, полураздетые, с трудом успев выхватить винтовки без патронов из горящей разрушенной оружейной комнаты, они, не понимающие, что происходит вокруг, отходили на восток, в сторону Кобрина. Около Жабинки их остановили и всю группу включили в состав 42-й дивизии, остатки которой занимали боевые рубежи. Своей рассудительной смелостью, желанием отомстить за пропавших в огненной буре товарищей младший сержант быстро завоевал доверие нового командира. А проведенная с его участием первая ночная вылазка в тыл к немцам, где удалось не только захватить фашистского офицера, но и сжечь один броневик, повлияла на то, что сам командир полка хлопотал перед комдивом, чтобы зачислить Волкова в состав полковых разведчиков и поставить на полное довольствие.

Третьим в группе был Василий Иванович Доброхотов – невысокий, шустрый, немногословный белобрысый воронежский паренек. За ясные синие, как весеннее небо, глаза мама называла его в детстве Васильком, сравнивая с полевыми цветами, издали заметными на широких полях. Василия призвали осенью 1939 года и отправили под Ленинград в одну из стрелковых частей, расположенную около самой границы с Финляндией. Как только стала формироваться 42-я стрелковая дивизия, часть, в которой служил красноармеец Доброхотов, вошла в ее 455-й стрелковый полк. И уже там Василию пришлось постигать азы службы в разведке.

Несмотря на то, что среди троицы Василий являлся самым младшим, он уже успел повоювать на финской войне, от которой у него остался на память большой шрам на груди. Правда, тогда, во время рукопашной схватки, финский штык всего лишь по касательной порвал кожу. Будь угол удара чуть другим, пришлось бы Василию лежать в одной из многочисленных братских могил, а так через неделю он снова был в строю. Обидно, что произошло это в самом конце той войны, 10 марта, когда их небольшая разведгруппа, выходя с очередным пленным, случайно, уже на нейтральной территории, напоролась на возвращавшуюся с другой стороны финскую группу, тащившую к себе пленного красноармейца.

Разведчики сошлись между собой в молчаливой рукопашной схватке, стараясь сильно не шуметь, чтобы не привлечь внимание ни одной из воюющих сторон, которые, не разбираясь, могли спокойно забросать их минами. В тот раз больше повезло красноармейцам. Перебив финнов, они с обоими пленными, живыми, хоть и изрядно потрепанными, вернулись к своим. Раненый Василий вместе со своим товарищем Сергеем Юхно (вражеский нож, за лезвие которого он ухватился, чтобы избежать удара в грудь, глубоко разрезал обе его руки) были отправлены в медсанбат. А через три дня эта страшная кровавая война закончилась прощальным звуком десятков тысяч стволов, стрелявших напоследок друг в друга и стремившихся успеть отправить на тот свет хоть еще одну живую душу. Немного позже, в полдень, наступила непривычная тишина, и бывшие еще вчера непримиримыми врагами превратились в обыкновенных солдат разных армий. В июне 1940 года 42-ю дивизию отправили в Эстонию, но не успели они туда прибыть, как поступила новая команда на передислокацию в Белоруссию (к западной границе, в район Березы-Картузской) на смену 33-й стрелковой дивизии, которая выдвигалась в Литву – как было сказано на общем построении, «для оказания помощи братскому литовскому народу». А весной 1941 года 42-я стрелковая дивизия переместилась еще западнее и расквартировалась в самом Бресте и его окрестностях. Там и встретили 22 июня.

Всего несколько человек из полковой разведки уцелело в тех боях. Тишкевич постоянно просил командира полка дать ему возможность подготовить новых людей, отвести их в тыл для занятий. Но условия не давали этого сделать, и на задания отправляли неподготовленных солдат, требуя от них новых разведданных. Большинство так и не вернулось из этих первых ночных походов, не обладая элементарными знаниями и навыками. Люди пропадали, на их место приходили другие, и так без конца. Стараясь хоть немного продлить жизнь новичкам, научить

их хоть чему-то, дать возможность получить опыт и при этом остаться в живых, старший лейтенант на самые ответственные и сложные задания всегда отправлял только своих «стариков». Рискуя их жизнями, он полагал, что только опыт и везение позволят им снова встретиться с утра.

...Усевшись на землю, Тишкевич на карте показывал группе маршруты движения, согласовывал с ними место и время выхода.

– Федор Николаевич, – обратился он к Кузьмину, – пленного нужно взять любой ценой. Желательно, конечно, офицера, но не брезгуйте и каким-нибудь штабным солдатом или связистом, тоже наверняка много знает. Ваша задача доставить его сюда живым во что бы то ни стало. Это приказ. Только живым! Понятно, Васек? – Тишкевич перевел взгляд на Доброхотова.

– Так точно, товарищ старший лейтенант, понятно, – насупился тот.

Прошлый раз при выходе с языком группа напоролась на засаду, и немцы, быстро сообразив, что русских немного, стали их окружать. Пришлось отходить, чему сильно мешал тучный немец, не в силах взять нужный темп движения. Василий перерезал ему горло, когда стало понятно, что с пленным не уйти. Хорошо успел документы изъять, хоть какой-то козырь остался на руках, когда пришлось оправдываться перед особистом за сорванное задание.

– За пленного шкуру спущу! – продолжал Тишкевич. – И запомните самое главное – у вас очень мало времени. Вы просто обязаны выйти до взрыва мостов. Иначе переправиться не получится. Согласно приказу командарма, у местного населения в округе были изъяты все плавательные средства. Не хочу даже думать об этом, но на всякий случай, если произойдет какая-то накладка, в этом районе не оставайтесь, скоро он окажется запружен до основания войсками противника, следующими по пятам. Отходите на юго-запад и попытайтесь переправиться там, но при условии, что на другом берегу реки не будет немецких войск. Об этом, к сожалению, нам пока не известно, связь с соседями постоянно пропадает. Немец их тоже жмет сильно. Они вынуждены отходить. И опять же, если вдруг все звезды будут против вас и противоположный берег будет за немцами, уходите севернее Лоева, держитесь при этом подальше от реки. Там переправитесь через Днепр, потом через Сож и идите дальше на восток, загибая южнее. Думаю, мы будем где-то там, в районе Чернигова.

– Товарищ командир, – подал голос молчавший до этого Волков, – что с пленным-то в таком случае делать?

– Если придется переходить через Днепр и Сож, то при невозможности осуществить это с языком можете его ликвидировать. К этому времени его показания уже потеряют актуальность. Главное – выйдите сами. Можете не геройствовать и диверсий не устраивать, хотя, – Тишкевич махнул рукой, улыбаясь, – знаю я вас. Хлебом не корми, дай только гансам напакостить. Но берегите себя, на рожон не лезьте. Договорились?

– Так точно, – ответили вразнобой разведчики.

– Вы мне здесь нужны живыми, ребята. А сейчас даю час на отдых, и можно выдвигаться. Время не ждет. Документы и ордена в этот раз можете не сдавать, сам не знаю, куда вас выведет кривая. Уж больно мало времени и много рисков. В одном уверен: в плен не сдадитесь. Все, отдыхайте. Через час жду у себя.

Когда Тишкевич ушел, старшина с сержантом закурили, а Василий сидел рядом и глотал тяжелый дым, медленно поднимающийся вверх, к кронам деревьев.

– Ну что, пора и оружие подготовить, – сказал, докурив, Кузьмин и посмотрел на Доброхотова. – Васька, с автоматом-то не хочешь пойти? Могу тебе немецкий выделит, пару дней назад добыл. Что ты все эту бандуру с собой таскаешь, – он кивнул в сторону самозарядной винтовки Токарева, которую Василий держал на коленях, – сам же знаешь, что в любую минуту

подвести может. Сколько уж случаев было! Один раз повезло, другой, но ведь постоянно так не будет.

– Спасибо, товарищ старшина, но мне с самозарядкой как-то привычнее. Я за ней ухаживаю, пуше чем за девушками на танцах, так что все будет хорошо. Да и привык я к ней очень. К тому же отход прикрывать удобно. Можно немцев на приличном расстоянии держать, не то что с автоматом. А тогда, – он махнул рукой, вспоминая случай, когда заклинившая винтовка едва не стоила ему жизни, – я ее в песок уронил, вот грязью механизм и забило.

– Николаич, – вступился за Василия сержант, – ну что ты старое вспоминаешь! Если бы да кабы... А ты там на что нужен был? Сам же успел немца в расход пустить, вот и обошлось все. У меня вон трофейный автомат, и что с того? Точно так же клинит, когда грязный. За оружием уход нужен.

– Ладно, времени и так осталось мало, – примирительно заметил старшина, – оружие привести в полнейший порядок. А я пока на кухню схожу, сухпай на всех в мешок закину – кто его знает, когда поесть-то придется. А с пустым брюхом воевать хоть и привычно, но крайне неприятно.

Он встал, забросил оружие за плечо и неторопливо пошагал искать повара, который, судя по запаху, где-то в глубине леса готовил перловую кашу с мясом лошади, убитой накануне немецкой миной.

Через полчаса старшина вернулся, принес с собой две горсти сухарей и котелок, полный недоваренной каши.

– Ну, давайте перекусим, пока время есть.

Ели молча, из одного котелка, черпая по очереди. Недоваренная крупа хрустела на зубах, мясо было не прожевать, но это оказалась их первая горячая пища за последние несколько дней, так что никто не жаловался. После еды, до выхода на задание, времени оставалось не так уж и много, поэтому, отдыхая, завалились на землю, подставив лица проступающим сквозь ветки теплым вечерним солнечным лучикам. В назначенное время были у Тишкевича. Тот придирчиво осмотрел каждого, лично проверил оружие, амуницию. Вместе с ним выдвинулись к самому краю обороны, который неглубокой траншеей тянулся вдоль заболоченного ручейка, перерезая широкую дорогу, ведущую из Речицы в Лоев. На той стороне, метрах в трехстах, уже остановились первые немецкие разведывательные дозоры, прибывшие на мотоциклах в сопровождении гусеничного броневика, который вороненым стволом своего пулемета внимательно обшаривал окрестности там, где виднелись плохо замаскированные бугорки свежей земли.

Было видно, что атаковать сегодня немцы уже не намерены, поджидая основные силы, которые должны подойти сюда ближе к вечеру. Они закреплялись, готовили огневые точки на случай непредвиденной встречной атаки со стороны таких непредсказуемых русских. О чем-то весело гогоча на своем непонятном языке, гитлеровцы ждали ужина: он должен был состояться согласно расписанию. Все у них было предельно просто и понятно, отработанный военный механизм практически не давал сбоев, буксуя только там, где встречал отчаянное сопротивление бойцов Красной армии. А это произошло уже с самых первых минут вторжения в Советский Союз. К такой самоотверженности красноармейцев многие немцы оказались просто не готовы, и самые умные из них сразу сообразили, что поход на восток не будет таким легким и безоблачным, как внушал им министр пропаганды Геббельс в своих кинофильмах. Это раньше казалось, что встречать их станут как освободителей от большевистского ига, но получилось совсем наоборот: на борьбу с захватчиками встали и взрослые и дети.

Там, где сопротивление ослабевало и немцы испытывали явное преимущество, они снова становились напыщенными, появлялась уверенность, что русские наконец-то окончательно разбиты, что СССР – это колосс на глиняных ногах. Тронь его посильнее – и он рассыплется в прах. Но русские солдаты со своими старыми винтовками почти без патронов, голодные и

оборванные, снова вылезали откуда-то, чтобы в очередной раз собственной кровью заставить это безжалостное немецкое колесо буксовать...

Уйдя левее от окопов на несколько сот метров, группа вышла к кладке – небольшим жердям, переброшенным через ручей.

– Недавно обнаружили, так что не придется вам сапоги мочить, – устало улыбнулся Тишкевич.

Он подошел к каждому из разведчиков и обнял его на прощание по сложившейся в роте традиции. Ведь бойцы уходят на смертельно опасную прогулку, и никто не знает, вернутся они или нет.

– Запомни, Федор Николаевич, – задержался Тишкевич около старшины, – этой ночью ваш основной враг – время. Вы просто обязаны успеть. Все, с богом, ступайте.

– Успеем, не впервой, – спокойным, как обычно, голосом сказал старшина, вступая на шатающиеся под ногами жерди.

Разведчики по очереди перебрались на тот берег и бесшумно скрылись в лесу. Тишкевич постоял еще немного, прислушиваясь к звукам вечернего леса, но так ничего подозрительного и не уловил. Развернувшись, он ушел в расположение: пока совсем не стемнело, нужно успеть рассказать молодому пополнению, как ориентироваться в лесу. Обидно: люди вынуждены чуть ли не каждый день бродить по лесам да полям, а обыкновенных карт нет. Компасов, и тех раз, два и обчелся. Даже в полку воюют по трофейной карте, добытой во время одной из вылазок.

И вдвойне обидно то, что на немецкой карте указаны такие подробности, что даже опытные командиры восхищаются. Получается, что успели немцы основательно подготовиться к нападению, а мы по какой-то неведанной причине оказались застигнуты врасплох. И сколько ни ломал Тишкевич голову над этим, так ничего путного в оправдание придумать не получалось.

Глава 2

Расположившихся около дороги немецких мотоциклистов обошли стороной. Пройдя еще несколько километров параллельно дороге, решили сделать засаду на повороте и дожидаться какой-нибудь одиночной машины, в которой вполне сможет оказаться немецкий порученец, везущий очередную сводку или приказ по подразделениям. Долго ждать не пришлось. Еще не совсем стемнело, когда послышался гул приближающихся машин. Большая колонна немецких грузовиков, мотоциклов, броневиков проехала в сторону фронта. Не успела осесть пыль, как за ней проследовала вторая колонна, третья. И только когда первые звезды ярко зажглись на небе и Млечный Путь расстелил свой яркий ковер, все затихло так же внезапно, как и началось.

– Вот теперь будем ждать своего языка, – старшина прихлопнул очередного надоедливого комара, звенящего прямо около глаза.

Прошла добрая половина ночи, над дорогой стояла тишина. Изредка там, где проходила линия фронта, а вернее держал оборону их полк, взлетали немецкие осветительные ракеты, своим холодным светом раздвигая ненадолго тьму, да где-то далеко грохотали тяжелые орудия. Только под утро, когда небо на востоке начало сереть, а белый туман подниматься от прогретой за день теплыми солнечными лучами травы, раздался звук приближающегося мотоцикла. Разведчики подскочили, заставив тут же испариться сонливость, быстро заняли места, готовясь к захвату. Нервы были напряжены. Вот он, шанс, который нельзя упустить.

Однако произошло непонятное. Не доехав до поворота, мотоцикл остановился. Двигатель еще немного поработал, а затем заглох. В наступившей тишине раздалась немецкая речь, и все стихло. Разведчики напряглись, и тут старшина замахал руками, призывая Андрея с Василием подойти поближе.

– Андрюха, надо посмотреть, что там. Может, поломались, – сказал он тихонько одними губами. – Ты заходи вдоль дороги, Васька пойдет левее, а я в середине двинусь. Все. Поехали. А там по обстоятельствам. Если что, работаем по сигналу.

Бесшумно, словно тени, разведчики растворились в темноте, скрываемые деревьями. Василий быстро рванул на левый фланг и обошел немецкий мотоцикл по лесу, затем аккуратно подкрался поближе к дороге и затаился всего в нескольких метрах от возвышающихся рядом с мотоциклом фигур. Двое немцев стояли рядом и негромко переговаривались между собой. Один, высокий и тучный, в большом кожаном плаще, на котором отблескивала под лунным светом металлическая бляха полевой жандармерии. Поверх головного убора у него была надета стальная каска. Другой немец, невысокий, тщедушный, в застегнутой на все пуговицы шинели. О чем говорили, было непонятно, но явно не торопились, словно чего-то ожидая. По всему выходило, что немцы ждали рассвета, чтобы устранить неисправность, либо попутки, которая отбуксирует сломанный мотоцикл.

Негромко прозвучал свист ночной птицы. Василий, услышав знакомый сигнал, приготовился к броску.

– Хэндэ хох! – резко прозвучало в темноте, и перед немцами вдруг возникла фигура сержанта. В этот же миг Василий бросился к жандарму и приставил ему к горлу нож, заставив от испуга резко выпустить газы. Ко второму немцу вышел из леса старшина, держа впереди себя автомат. Тот что-то затараторил, поднимая руки вверх.

– Сейчас, Васек, я толстому руки свяжу, поддержи пока, чтобы не рыпнулся. Здоровяки – это твой профиль, – негромко пошутил Андрей, вытаскивая из-за пазухи моток веревки и кляп.

Одновременно с ним старшина начал связывать второго, предварительно заткнув ему рот куском тряпки. Немец даже не пытался сопротивляться, еле стоя на ватных от страха ногах. Сержант подступил к жандарму и отработанным движением вставил ему кляп. Немец замы-

чал, пытаясь отбрыкнуться, но Василий тут же немного надавил острием ножа на шею, быстро прекратив желание пленного сопротивляться.

– Тихо, падла, не дергайся, – прошептал он, и немец замер, уловив в тоне русского злое, безжалостные нотки.

Андрей начал вязать руки жандарму, как вдруг тишину ночи пререзал резкий хлопок пистолетного выстрела, прозвучавший со стороны кустов, растущих на обочине дороги. Сержант на мгновение замер и стал оседать, заваливаясь на бок. Василий машинально, работая на автомате, тут же полоснул лезвием ножа по горлу немца. Тот захрипел, вскинул руки и стал падать, захлебываясь собственной кровью. Упав на пыльную дорогу, он несколько раз дернулся в предсмертной агонии и замер. Одновременно с этим старшина ударом руки отправил на землю второго немца и, на ходу вскидывая автомат, бросился к кустам, стреляя на вспышку прозвучавшего выстрела. Из кустов раздалось еще два выстрела, прежде чем ответные пули достали врага.

– Васька, вяжи фрица, который на дороге, – Кузьмин нырнул в кусты. Василий бросился к лежащему немцу, прижал его к земле и лихорадочно принялся скручивать руки. Закончив, он подбежал к сержанту. Тот был мертв, и с этим ничего нельзя было поделать. Пуля со спины, проломив грудную клетку, попала прямо в сердце. Смерть была мгновенной. Сзади сквозь шинель выступило небольшое кровавое пятно. В это время из кустов вылез старшина, тяжело дыша и держа за бок.

– Немец стрелял. Офицер. Видать, приспичило по нужде сильно. Или молочка несвежего напился. Вот они и остановились. Там он в собственном дерьме лежит, даже штаны надеть не успел, – кивнул Кузьмин в сторону обочины. – Документы я у него забрал. Как Волков? – он подошел поближе.

– Убит, – негромко сказал Василий, закрывая глаза погибшему.

Сколько друзей, знакомых и просто однополчан погибло у него на глазах за последние месяцы, даже счет потерял. Всякого насмотрелся на этой войне, а вот до сих пор привыкнуть к чужой смерти не получилось. Как будто вместе с ней теряешь и частичку своей жизни. Даже не верится как-то, что всего несколько часов назад ели кашу из одного котелка, и на тебе, больше нет человека. Надежного, крепкого как скала сержанта убил какой-то обгадившийся фашист. И обидно, что снова нет времени на похороны. Некогда рыть могилу и предавать тело Волкова земле. И его родители так никогда не узнают, что их сын остался навсегда лежать около дороги. Теперь, если повезет, похоронят местные жители, хоть крестик какой-нибудь поставят. А если не повезет, то так и будут лежать кости сержанта на обочине, обглоданные лисицами да воронами, пока не поглотит их полностью придорожная трава, навсегда спрятав от чужих глаз.

Старшина присел рядом, вытащил документы Волкова и положил их в тот же самый карман, где уже лежали бумаги убийцы сержанта. Не успели оттащить тело убитого на обочину, как вдали в ночи замелькали фарами приближающиеся машины.

– Васька, хватай фрица, отходим, – сказал Кузьмин, а сам вдруг опустился на колени, схватившись за правый бок.

– Федор Николаич, товарищ старшина, что с вами? – подскочил к нему Василий.

– Задел он меня, фриц-то. Вот гаденьш. Ладно, помоги подняться, – Кузьмин, опираясь на руки Василия, выпрямился. – Уходим. Времени и так не осталось.

Держась руками за бок, старшина двинулся в лес. Василий, рывком поставив немца на ноги, пинком придал ему нужное направление, а сам двинулся сзади. Машины были уже рядом, их моторы, казалось, звучали всего в сотне метров, когда они скрылись среди деревьев. Не успели отойти, как заскрипели тормоза грузовиков, остановившихся перед стоящим посреди дороги мотоциклом. И тут же зазвучали громкие и четкие команды немецких офицеров. Из машин на пыльную дорогу стали выпрыгивать солдаты, разворачиваясь вдоль дороги. Осветив

место фонариками, оценив обстановку и решив, что нападение произошло совсем недавно и русские не могли уйти далеко, тем более что, судя по пятнам крови, один из них ранен, командир колонны приказал провести поиски и попытаться захватить разведчиков.

Быстро светало, тумана в лесу почти не было. По всему выходило, что шансы расквитаться с русскими за убийство офицера штаба и одного из сопровождавших его жандармов были высоки. Выстроившись в широкую цепь, группа немецких солдат во главе с назначенным обер-лейтенантом двинулась вперед. Остальные погрузили тела убитых в грузовик и ожидали возвращения товарищей. Мертвого русского разведчика отволокли подальше от обочины и бросили в траву. С каждым шагом старшине было все труднее идти. Он задыхался, кровь не останавливалась, а времени на то, чтобы перевязать рану и отдохнуть, не было: преследователи шли буквально по пятам. Василий, несмотря на возражения, забрал у него автомат, закинул за спину и теперь шагал впереди, ведя за собой немца. Чтобы оторваться, нужно было добавить скорости, да где ж ее взять? Еще немного, и старшина свалится. Прикажет Василию уходить вместе с пленным, выполняя приказ, а сам будет их прикрывать, пока есть силы. Но бросить Кузьмина он не сможет, а значит, придется вступить в бой, из которого выйти живым точно не получится.

Так думал Василий, продолжая поддерживать невысокий темп, чтобы старшина не отставал. Постепенно погоня приближалась. Еще чуть-чуть, и станут заметны фигуры солдат, мелькающие между деревьями. И тогда Василий решился. Остановившись, он вытащил из-за голенища нож и, подойдя к замершему от ужаса немцу, перерезал веревки на руках.

– Вставай сюда, быстро, шнель! – приказал он, поставив немца сбоку от Кузьмина. Сам стал с другой стороны.

– Федор Николаич, хватайся, побегать придется.

Старшина забросил им руки на плечи, подавив внутри себя очередной стон. Он тоже понимал, что Василий скорее откажется выполнять приказ, нарушит все инструкции, чем оставит его умирать. Не такой он человек, Васька Доброхотов. Сколько раз ругал его за это Тишкевич, все грозился под трибунал отдать, когда тот в очередной раз вытаскивал из тыла полуживого товарища по разведгруппе, совершенно не заботясь о выполнении приказа, а потом, отдав раненого на попечение медикам, сам уходил в ночной поиск и возвращался с добычей.

Скорость движения сразу возросла. Задыхаясь, беглецы быстро отрывались от преследователей. Обессиленный старшина почти висел у них на плечах, едва не проваливаясь в беспмятство, но рук при этом не отпускал. Немцу было тяжелее. Во-первых, он и сам был раза в полтора худее Василия, а во-вторых, кляп мешал нормально дышать ртом. Поэтому немец громко, как паровоз, сопел, выпуская воздух носом вперемешку со слюной и соплями. Василий видел мучения немца, но кляп не вытаскивал, решив, что он может закричать и тем самым направить преследователей точно на них.

Наконец, враги отстали. Обер-лейтенант, наверное, решил, что гоняться сейчас за русскими разведчиками – это как пытаться голыми руками поймать зайца в лесу: хлопотно и бесполезно. Прозвучала громкая команда, и немецкая цепь остановилась. Немного постреляв вперед, больше для самоуспокоения, фашисты развернулись и двинулись обратно, в сторону поджидавших их грузовиков.

Пули не причинили беглецам никакого вреда, оставшись где-то далеко за спинами. Пробежав еще немного и поняв, что преследование завершилось, они остановились и завалились на землю, пытаясь отдышаться и прийти в себя. Василий подошел к немцу и освободил ему рот от кляпа. Тот стоял на четвереньках, не в силах приподняться. От переутомления его вырвало. Вытерев рот грязной рукой, немец сел, прислонившись спиной к дереву, и закрыл глаза.

Произошедшее не укладывалось у него в голове. Совсем недавно вместе с фельдфебелем Штраубе и лейтенантом Клейном, которые любезно согласились захватить его с собой из санчасти, где ему накануне вскрыли выскочивший на плече гнойный чирей, они ехали в его род-

ную часть. Теперь он сидит в окружении двух вражеских разведчиков, при этом тела фельдфебеля и лейтенанта, успевшего застрелить одного из русских, сейчас валяются в дорожной пыли, остывая. А он при этом собственноручно тащил раненого русского сквозь лес, боясь, что если откажется, то второй русский, со свирепым лицом, перерезавший глотку Штраубе, поступит точно так же и с ним.

Страх за собственную жизнь сковал его накрепко. Казалось, что стоит открыть глаза – и все это окажется обыкновенным кошмарным сном, одним из тех, что снились ему после увиденного на этой войне: изувеченные, растерзанные, обгоревшие человеческие останки, валяющиеся неубранными там, где застала людей смерть. Многие его товарищи уже привыкли к этому постоянно преследующему их сладковатому запаху разлагающихся тел и даже с удовольствием позировали на фоне убитых красноармейцев и уничтоженных советских танков. А вот ему до сих пор было страшно и дико смотреть на это.

Воспитанный в постоянной работе, когда ему, старшему сыну бедного баварского крестьянина, приходилось с раннего утра и до позднего вечера горбатиться на отцовском поле, потом и кровью растя скудный урожай, он всегда считал себя менее развитым по сравнению со своими сверстниками. Читать и считать научился поздно, уже после младших братьев, которые из-за этого потешались над ним, не осознавая, что именно благодаря рабскому труду старшего брата и отца они получили возможность ходить в школу. Друзей среди сверстников у него не было, так как работа отнимала все время. И только по ночам при свете тонюсенькой свечи или тусклой луны он погружался в мир книг, казавшийся таким загадочным и волшебным.

Незадолго до того как вермахт вошел в Польшу, его призвали в армию, но в строевую часть он не попал, оставшись ездовым в обозе. Так и двигался в самом хвосте дивизии вначале к Варшаве, потом к Парижу, где и подцепил в одном из дешевых борделей триппер, решив, наконец-то, расстаться с девственностью. Он помнил, как долго потом подтрунивали над ним товарищи, хотя после той войны у многих были аналогичные проблемы. Хорошо, что доктор в санчасти, куда он обратился, оказался понимающим и залечил неприятную болезнь.

Отдышавшись, немец открыл глаза. Нет, это был не сон. Около него сидели русские, один из которых заканчивал перебинтовывать другого, усатого пожилого крепыша.

Закончив перевязывать старшину, Василий подошел к пленному:

– Документен давай, – он руками в воздухе изобразил квадрат.

– О! Я-я! Документен! – закивал головой немец, судорожно расстегнул пуговицу на кителе и протянул Василию солдатскую книжку. Тот взял ее и вернулся к старшине.

– Федор Николаич, товарищ старшина, вот документы этого, – он кивнул в сторону пленного, – гляньте.

Старшина взял бумаги и стал их внимательно просматривать, разглядывая каждый лист, затем молча положил к себе в карман гимнастерки.

– Ну что там, товарищ старшина, подойдет нам такой язык? – нетерпеливо спросил Василий.

– Нет, – Кузьмин посмотрел на часы.

– Как нет? – удивленно посмотрел на него Василий.

– Да вот так нет, – спокойно ответил старшина, – обозник он, Вася, с него толку, что с козла молока. Его из медицинской части выписали, и он к месту службы ехал. К тому же мы из этой дивизии уже языков брали. Вот такие пироги.

– И что с ним теперь делать? Может, я его прикончу, чтобы не мешал выходить?

– Ну, зарежешь ты его, и что? Кому от этого польза? – старшина сделал попытку приподняться, но охнул, схватился за бок и снова сел. – Ловко ты его подначил меня тащить! Раз уж не захотел меня оставить, то и дальше тебе со мной мучиться. А немец – он помощником в этом деле будет. Времени осталось мало, вот-вот фрицы в наступление против наших перейдут. Надо успеть через ручей перебраться. А потом еще и до переправы нужно дотопать. Так

что надо поспешать. Выйдем, там и будем отдыхать, а начальство пусть само решает, что с пленным делать.

Снова Василий поставил немца сбоку от старшины. Вдвоем они помогли Кузьмину подняться и дать обхватить себя руками за плечи. Двинулись. На этот раз Василий не торопился, изо всех сил напрягая зрение и слух: приближалась линия фронта, и в любой момент можно было наткнуться на немецких дозорных. Много будет зависеть от того, кто кого первым увидит. Не успели дойти до ручья, как впереди начали раздаваться оружейные залпы, вслед за ними затрещали пулеметы, защелкали винтовки.

– Поперли, падлы, – выругался Василий, остановившись на мгновение, чтобы вытереть пот, застилающий глаза.

– Ох, несладко сейчас нашим ребятам-то, – горестно закачал головой Кузьмин, – и ответить-то особо нечем.

Шум боя усиливался, превратившись в сплошной грохот. И было уже непонятно, где стреляет советская винтовка, а где немецкая. Все слилось воедино. Подойдя к заболоченному ручью, группа остановилась. На этот раз взяли намного правее, остерегаясь случайной встречи с расползшимися вдоль советской линии обороны фашистами. И, как оказалось, правильно сделали. Василий первым заметил мелькающие сбоку серо-зеленые фигуры. Тут же остановился и потянул вниз старшину, заодно заставляя наклониться и немца. И когда Кузьмин оказался на земле, бросился сверху на пленного, прижал его к земле и рукой закрыл рот.

Немецкие солдаты, совершая обходный маневр в тыл засевшим красногвардейцам, прошли всего в паре десятков метров. Перебравшись через ручей, фашисты, не останавливаясь, двинулись вдоль него, крутя головами по сторонам, опасаясь засады.

– Черт, угробят ребят, – шепотом сказал Василий, обращаясь к Кузьмину. – Товарищ старшина, постерегите немца, а я постараюсь наших предупредить, чтобы сюрприз у немцев не получился.

– Давай, Васька. Только поаккуратнее, – старшина вытащил веревку, – только помоги немца скрутить, а то, боюсь, со мной он теперь легко справится.

Василий ловкими движениями связал немцу руки за спиной, быстро вставил кляп. Для страховки сделал несколько витков вокруг ног.

– Теперь точно никуда не денется, – хлопнул он немца по животу, – ладно, я быстренько.

Он вскочил, схватил винтовку и, пригибаясь, бросился догонять немецких солдат. Те, оказывается, успели уйти достаточно далеко, но вот среди деревьев вновь показались их фигуры. Василий быстро встал на колени, прицелился и выпустил почти всю обойму в замыкающего. Не было времени выбрать цель, ведь наши позиции находились всего в нескольких сотнях метров. Задачу убить как можно больше фашистов он сейчас перед собой не ставил. Главным было подать сигнал обороняющимся, что сбоку подходят неожиданные гости. Это поможет перегруппироваться и встретить их огнем.

В ответ на его выстрелы немцы открыли сумасшедшую стрельбу, выдав себя с потрохами. Василий довольно улыбнулся и, пригибаясь к земле, стал медленно отходить, чтобы не угодить под пули.

Вернувшись на место, где оставил старшину с пленным, он обнаружил Кузьмина, сидящего верхом на немце, уткнувшемся лицом в землю.

– Представляешь, Васька, только ты ушел, этот гад решил уползти. Подумал, наверное, что раз я подстреленный, то помешать этому не смогу. Пришлось малость образумить. Но вроде понятливый, больше не дергался.

– Ну что, тогда дальше двинем, немного осталось. На дорогу выйдем, а там наши помогут.

Переправились через ручей, причем Василий посадил старшину на спину к немцу, чтобы не замочил ноги. Немец, несмотря на худобу, справился и доставил Кузьмина на противоположный берег сухим. Правда, его поддерживал Василий, не давая оступиться, но дело было

сделано. Дальше двинулись, забирая ближе к дороге, чтобы успеть выйти к ней, пока не отошли свои.

Однако не успели. Бой прекратился, слабый красноармейский заслон был вынужден оставить свои позиции и отойти, открывая немцам путь дальше. Когда разведчики вышли к дороге, по ней уже двигались немцы, выбивая пыль коваными сапогами. Пришлось отойти и снова пробираться через лес. Вдоль дороги шла постоянная стрельба, не давая приблизиться поближе, чтобы не угодить в ловушку.

На подходе к Лоеву, уже ближе к вечеру, они услышали сильные взрывы, словно огромные орудия сотрясали своими выстрелами воздух.

– Стой, Васька, малость передохнем, кажись, не успели, – задыхаясь, сказал старшина.

Василий по звукам понял, что переправы уже уничтожены.

– Эх, не успели! – с горечью ответил он. – Что теперь делать будем?

И хотя часы безостановочно шли вперед, отмеряя своими ровными шагами бегущее время, Василий уже давно начал понимать, что, скорее всего, к мостам они не успеют, слишком медленно двигались. Но верить в это не хотелось. И вот теперь эти взрывы со стороны Днепра поставили жирную точку в их спешке.

– Будем отходить южнее, как сказал Тишкевич, а там, может, лодку какую-нибудь добудем. Раз не успели, нечего и горячку пороть, – спокойным голосом сказал старшина. – Теперь главное – убраться подальше от этих мест.

Немного передохнув, они двинули дальше, обходя город, насчитывающий почти тысячулетнюю историю, с запада и углубляясь южнее. Они не видели, что почти до самой темноты на противоположной стороне реки стоял их командир, не желавший смириться с пропажей лучших своих разведчиков. Всматриваясь в плывущие по реке деревья, он надеялся увидеть в воде знакомые фигуры. И пусть задание не выполнено, он не будет их за это бранить, лишь бы живыми вышли. Он корил себя за то, что не настоял, не потребовал отменить задание, позволил втянуть себя в эту авантюру. Кому нужна была эта срочная информация о немцах? Новые силы все равно в бой не вводились. Это же подтверждалось каждый день. Сейчас, выйдя на берег, немцы начнут подтаскивать из тыла резервы, готовясь к форсированию Днепра. Вот через пару дней и следовало бы посылать разведку на поиски. И кого он теперь отправит в разведку?

Бросив прощальный взгляд на далекий берег, Тишкевич повернулся и пошел в штаб полка, про себя решив, что отчаиваться пока рано. Скорее всего, ребята просто не успели. Не исключено, что будут теперь делать так, как он говорил им на прощание. Так что есть еще шанс увидеться. Он улыбнулся в предвкушении этой встречи. Перед глазами пронеслись довольные и немного усталые лица Кузьмина, Волкова и Васьки Доброхотова.

Глава 3

Поздно вечером вышли к небольшой лесной деревушке. Невысокие избы проступали на фоне звездного неба. Где-то недалеко залаяла собака, почуяв чужаков. Вслед ей звонко залилась другая, затем третья, и пошло-поехало. Через некоторое время лай затих, вероятно, домашние питомцы поняли, что незнакомцы не представляют опасности для их хозяев. Напоследок раздалось басовитое «гав», и над деревней снова наступила тишина.

– Немцев точно здесь еще не было, – негромко сказал Василий. По своему опыту он знал, что там, где побывали вражеские солдаты, собаки вели себя совсем по-другому, предпочитая отсиживаться в конурах, не подавая голоса, словно чувствуя лютую звериную злость пришельцев. А если вдруг какой-то пес решался облаять непрошеного гостя, то ответом почти всегда был выстрел.

Подойдя к крайней избе, Василий негромко постучал в окошко. Через пару минут раздался заспанный голос:

– Кто там?

– Доброй ночи! – поздоровался Василий, – мы солдаты Красной армии, у нас раненый, нужна помощь.

– Какие солдаты? – недоверчиво переспросил все тот же голос, позевывая.

– Как какие? Самые настоящие. Свои, советские.

– Свои дома по лавкам сидят, – голос звучал недовольно, – сейчас выйду, подождите.

Через минуту на крыльцо вышел высокий пожилой человек в накинутах на нижнее белье ватнике. В руке он держал керосиновую лампу, распространявшую вокруг себя тусклый свет.

– Сюда идите, – сказал он, поднимая лампу над головой.

Василий заметил, как за занавеской мелькнуло испуганное женское лицо. Втроем они подошли поближе к хозяину. Тот, возвышаясь над ними, осматривал ночных гостей.

– А это что за гусь? – кивнул он на немца.

– Не гусь, а Ганс, – улыбнулся Василий. – Мы его в плен взяли рано утром, но не успели к своим выйти. Товарища старшину ранило сильно, вот и задержались.

– А, ну я слышал, что под Лоевом плавучих мостов понастроили. Взорвали, значит?

– Взорвали, – кивнул головой Василий. – Нам бы рану посмотреть да перевязать нормально, лишь бы столбняк не начался. Поможете? Может, врач в деревне есть?

– Доктор? – хозяин на мгновение задумался. – Доктор имеется. Правда, он больше коровам хвосты закручивает, вицинаром зовется. Но мужик грамотный, мы у него всем селом лечимся. А в город в больницу едем, когда уже совсем что-то тяжелое. Да что ж вы стоите? – засуетился он вдруг. – Давайте в хату, старшина-то ваш вон уже плетью висит, видать, совсем сил не осталось.

– Янка! – громко крикнул он, войдя в дом, – быстро одевайся и к Игнату Поликарповичу дуй. Скажи, что у нас командир раненый. Пусть поспешит.

Со стоящей около стены широкой скамьи подскочил мальчишка лет десяти и стал торопливо одеваться. Хозяин между тем распорядился, указывая жене, сидевшей около сына:

– Ганна, топи печь. Надо воду греть. Обязательно пригодится. Так, хлопцы, – он повернулся к Василию с пленным, продолжавшим поддерживать Кузьмина, – командира вашего вот сюда кладите, – он показал на скамейку, стоящую в середине комнаты около стола, – и пойдём со мной к колодцу. Воду можете притащить.

В полутьме Василий заметил, что с печки на них смотрят еще несколько детских глаз. Хозяин, перехватив его взгляд, тут же прикрикнул на детей:

– Ну-ка, спать быстро! Чтобы ни одного не видел, увижу – ремня дам.

Детей как ветром сдуло.

– А немец что, и вправду настоящий? Не шутишь? – спросил хозяин, когда они набирали воду из колодца.

– Сам у него спроси, если не веришь, – улыбнулся Василий.

– А как спросить?

– Ну, скажи ему: «Хэндэ хох», только громко.

– Хэндэ хох! – рявкнул хозяин.

Немец от неожиданности уронил ведро и, не став его поднимать, резко вскинул вверх руки. И замер, не понимая, чего от него хочет этот мужчина.

– А что это он руки задрал? – удивился хозяин.

– «Хэндэ хох» – это «руки вверх» по-нашему, а так как немец человек военный, то он и выполнил приказание, – объяснил Василий поведение пленного.

– Ишь ты, – восхищенно закачал головой хозяин, – и правда, живой немец. Никогда раньше не видел. Я сюда ровно пятнадцать лет назад из-под Твери приехал в школе работать, у нас их отродясь не было, а местные, кто здесь родился, еще кайзеровцев помнят.

Через двадцать минут прибежал полный человек с абсолютно лысой головой. В руке он держал небольшую сумку. Немного отдышавшись на крыльце и вытерев платком пот с лысины, он без стука вошел в дом.

– Это наш доктор-вицинар, Игнат Поликарпович.

– Да какой я тебе вицинар, Константин Егорович, ты же в школе работаешь. Что, слово «ветеринар» никак не выучишь?

– Да не обижайся ты, Поликарпович, тебя все так в деревне зовут.

– Ладно, показывай больного.

Они подошли к старшине. Тот слабо дышал, сдерживаясь, чтобы не застонать от боли.

– Ну, товарищ военный, не взыщи. Я хоть и коровий да овечий доктор, но кое-что могу и у людей подремонтировать.

Он наклонился над раненым, затем принялся срезать засохшую от крови повязку. Василий, не желая отвлекать врача от работы, вышел с пленным во двор, уселся на крыльцо. Мимо то и дело сновала жена хозяина с тазиком.

– Может, помочь? – подхватился было Василий, но та только махнула рукой:

– Да сиди уж! Без тебя помогать хватает.

Вскоре вышел сам Константин Егорович, присел рядом.

– Значит, в Лоеве уже немец? – нарушил он тишину.

– Скорее всего, – кивнул Василий.

– Получается, что завтра-послезавтра и до нас доберется, – тяжело вздохнул хозяин. – Сильный он, фашист этот, ишь как прет, без остановки. Ну ничего, Наполеон в свое время так же резво скакал, да только еле живой уполз. И этот никуда не денется.

– Знаю, – Василий кивнул в сторону пленного, – вон уж каких доходяг призывать стали! Значит, скоро выдохнутся окончательно. Нам политрук говорил, что это план такой – заманить фрицев поглубже на свою территорию, чтобы им назад пути не было.

– А политрук твой о тех, кого вы здесь оставляете, подумал? О детишках, бабах, стариках? Им-то каково здесь будет?

– Это все временно, скоро повернем назад, – взволнованно ответил Василий. Об оставляемых на оккупированной немцами территории жителях он думал часто. Отступая через хутора, деревни, города, солдаты везде встречали один и тот же осуждающий взгляд тех, кому предстояло здесь жить после их ухода.

– Временно? – Константин Егорович задумался о чем-то своем, затем кивнул головой: – Ну, дай бог, чтобы твои слова да подтвердились. Но чувствую я, нахлебаемся мы тут горяшка. Что с пленным-то своим делать будете? – он кивнул на сидевшего невдалеке немца.

Василий тоже перевел на него взгляд, затем пожал плечами:

- Не знаю пока, как старшина скажет. По мне бы в расход пустить, и дело с концом.
- В расход? – Константин Егорович посмотрел прямо Василию в глаза. – А за что?
- Ну как за что? – не понял тот вопроса. – Он же немец, враг, пришел к нам с войной.
- Он же сейчас безоружный! Для него война уже закончилась.
- И что? Он враг, а врага надо беспощадно уничтожать, так сказал сам товарищ Сталин!
- Ну, если сам Сталин сказал, – улыбнулся Константин Егорович, – то оно конечно.

Только ответь мне на вопрос: если в плен никого не брать, кто после освобождения будет строить то, что разрушили? Мужиков-то наших война эта ох как выкосит! К нам уже пять похоронок прийти успело. А у нас-то в деревне дворов раз-два и обчелся. Страшно даже про всю страну представить, сколько голов будет положено ради победы. Получается, что опять все бабы да детишки восстанавливать будут?

– Ничего, не всех убьют, выдюжим, нам это не впервой, – резко ответил Василий. – А куда нам теперь его с собой тащить? Он сейчас больше обуза, чем раненый товарищ старшина. И ведь здесь не оставишь, снова на службу вернется и дальше против нас воевать будет. Так что по мне – проще убить. А пленных мы еще много насобираем.

Скрипнула дверь, и на крыльцо вышел доктор. Постоял немного, разминая пальцы рук, затем присел рядом и, вытащив платок, принялся вытирать пот с головы.

– Чуть-чуть пуля не вышла, пришлось на спине надрез делать, чтобы вытащить. Но старшина-то твой крепкий, молодец, ни разу не застонал. А ведь без наркоза пришлось удалять.

– Он такой, сибиряк, – с гордостью за Кузьмина ответил Василий.

– Это и видно, крепкий еще. Организм сильный, справится. Рану я промыл, повязку наложил. Идти ему сейчас нельзя, нужно пару недель отлежаться. Иначе в любой момент кровотечение начнется, а он уже и так достаточно потерял кровушки-то своей.

– И что нам теперь делать? – растерянно спросил Василий, глядя на доктора.

– Ну... – задумался тот, поглаживая рукой лысину, – для начала я бы его где-нибудь спрятал. Думаю, что немцы совсем скоро пожалуют. А там как бог даст. Но идти я ему категорически не рекомендую.

– Поликарпович, а может, их на старой панской пилораме пока схоронить? – подал голос Константин Егорович. – Она уже кустарником вся заросла, ее и не найдешь просто так, пока случайно не наткнешься. Там летом только пацанва играет, да наши мужики иногда прячутся от жен, чтобы выпить спокойно. Думаю, это самое безопасное место. Да и ты сможешь приходить перебинтовывать.

– Хорошая мысль, – доктор спрятал мокрый платок в карман. – Только давай завтра с утра их туда отведи. Старшина уснуть сейчас должен, я ему две таблетки снотворного дал, пусть хоть немного отдохнет. А это и есть тот самый немец? – кивнул он в сторону пленного.

– Ага, – ответил Василий, – он и есть.

– А что такого дохленького взяли? Покрепче никого не было? – пошутил доктор.

– Так получилось, – Василий не стал рассказывать о мотоцикле, смерти Волкова, о погоне. Но доктор, видимо, что-то услышал в его голосе такое, что невозможно объяснить.

– Прости, если обидел, вижу, что несладко пришлось, – он хлопнул Василия по плечу. – Врач – это очень циничная профессия. И не важно, кого ты лечишь – человека или лошадку. По-другому, брат, здесь нельзя. Ну да ладно, заболтался я с вами, домой пора, жена, наверное, заждалась. Без меня спать не ложится никогда.

Доктор встал, взял свой чемоданчик, который вынес на крыльцо сын хозяина, и, попрощавшись, ушел в темноту. Было слышно, как он возится с калиткой, ведущей на улицу. Затем шаги, удаляясь, окончательно стихли в ночи.

Нежданных гостей покормили, и все стали располагаться на ночь. Спящего старшину решили не трогать и оставили на скамейке, укрыв тулупом и подложив под голову подушку.

Немца заперли в маленькой баньке, повесив на дверь тяжелый замок. Ну а Василию было отведено место в сарае на куче свежего мягкого сена.

Как только рассвело, Константин Егорович разбудил его:

– Васька, вставай, пора идти, чтобы любопытным на глаза не попасться.

Поеживаясь от утреннего холода, Василий вышел во двор. На крыльце, прислонившись к стене дома, сидел бледный Кузьмин.

– Товарищ старшина, как вы? – бросился Василий к нему.

– Нормально, поживу еще немного, – слабым голосом ответил тот. – Где немец?

– В бане под замком сидит.

– Свяжи ему руки, кляп в рот, и будем двигать, пока не рассвело.

– Есть!

Выполняя приказ, он бросился в баню, вытолкал немца во двор и быстрыми движениями связал его, заломив руки назад. Затем из небольшого куска веревки сделал петлю и набросил пленному на шею. Из дома с заплечным мешком вышел Константин:

– Тут харчей немного, пригодятся. А теперь пора. Солнце скоро взойдет.

Взяв старшину под руки, они двинулись через огород в сторону леса. Василий, словно бычка, тащил за собой на веревке пленного, который старался не отставать, так как петля больно давила на горло.

Заброшенная пилорама, цель их похода, находилась в лесу всего в километре от деревни. К ней вела заросшая невысоким кустарником и травой узкая дорога. Парочка полуразвалившихся зданий – вот, пожалуй, и все, что осталось от некогда процветавшего производства.

– Барин тутошний здесь все организовал. Лес пилили, делали доски, брусья, а затем все это везли в Гомель, Чернигов и даже Киев, – Константин Егорович, поддерживая старшину, шел по петляющей тропинке, со всех сторон густо заросшей крапивой, – а после революции барин сбежал. Здесь вначале артель работала, а потом колхозу передали. Это в начале тридцатых было, я тогда уже жил в деревне. Но колхозу эта обуза лишней оказалась, тут бы с посевной да уборкой справиться, вот и закрыли все. Оборудование, что не разворовали, на металлолом сдали. Только один цех да здание конторы остались. Но и их скоро лес проглотит. Или местные по пьяни сожгут.

Решили остановиться в здании распиловочного цеха, так как одной стороной он упирался прямо в лес, и при случае можно было выскочить туда незаметно. Положив старшину на пол, Василий крепко связал немцу ноги и посадил его рядом.

– Сиди тут, рыпнешься – прибью, – он показал пленному кулак.

Тот испуганно закачал головой, словно понял, о чем идет речь.

– О, я-я! Прибью! Гитлер капут!

– Тьфу ты, дурак, – Василий сплюнул в сторону, – как попугай заладил одно и то же.

Вдвоем с Константином Егоровичем они натаскали в угол цеха еловых лапок и травы, устроив небольшую лежанку. Потом перенесли туда Кузьмина.

– Ладно, – прощаясь, сказал Константин Егорович, – пойду я домой. Скоро сюда Поликарпович придет, не пугайтесь. Сам вечером забегу, принесу поесть-попить да новости с собой прихвачу. Тут тихо, спокойно. Но если кто-то появится, лучше лишний раз голос не подавать.

– Васька, – тихим голосом позвал Василия старшина сразу, как только вдалеке стихли шаги, – задание тебе будет. Нужно дойти до Днепра и посмотреть, можно ли переправиться. До реки далековато, так что не спеши, поаккуратнее. Думаю, что немцы могут усилить разведку, смотри в оба, не нарвись.

– Есть, товарищ старшина, – кивнул Василий, – а с этим что? – он указал на пленного.

– Проверь, как связан, и дай воды попить, а то вон какой бледный. Еще помрет случайно, не хочется брать лишний грех на душу. Автомат поближе ко мне пододвинь, мало ли что. Все, Васька, ступай, некогда нам здесь засиживаться. Тишкевич, наверное, с ума сходит.

Василий, кивнув, направился к выходу и через минуту уже исчез между деревьями. Быстро сориентировавшись по солнцу, он взял курс на юго-запад, чтобы поскорее выйти к Днепру, делавшему около Лоева резкий поворот. Через несколько часов пути начались приречные болота, пройти через которые и выйти к воде без помощи проводника было невозможно. Тогда он стал обходить их стороной, стараясь найти более проходимое место. При этом один раз чуть не нарвался на немецкий разведывательный дозор, расположившийся прямо на перекрестке двух лесных дорог.

Вначале Василий почувствовал едва уловимый запах чужих сигарет. Моментально превратив свое тело в пружину, готовую выпрямиться в любую минуту, он со всей осторожностью двинулся в ту сторону, откуда исходила опасность. Бесшумно пробираясь между деревьями, Василий приблизился к краю полянки. На ней стояло два броневика, развернутых друг от друга. Стоявшие за пулеметами немцы лениво смотрели по сторонам. Остальные солдаты лежали на земле неподалеку, нежась на солнышке. Кто-то курил, другие дремали.

Василий осторожно, стараясь не шуметь, удалился. Затем, обойдя по широкому радиусу злополучный перекресток, двинулся дальше. Удалось найти пару выходов к реке, но все они контролировались небольшими группами гитлеровцев, пристально наблюдавшими за противоположным берегом. На той стороне, более крутом, чем этот, Василий даже без бинокля увидел бугорки свежей земли. Значит, там держит оборону наша армия. Но как туда попасть? «Видит око, да зуб неймет», – пришла на ум поговорка.

Река в этом месте оказалась довольно широкой. Если бы старшина был здоров, то ночью они бы легко, соорудив небольшие плоты из камыша или густого кустарника и сложив туда одежду и оружие, перебрались на другой берег. Даже пленного можно было заставить плыть рядом, заткнув ему рот, чтобы не орал. Но как дотащить сюда раненого? Для его транспортировки нужен плот побольше, желательно из бревен или толстых жердей. Только как его построить здесь, практически под боком у немцев? Они-то вряд ли куда отсюда уедут. Скорее всего, это дозоры, стерегущие подступы к реке и ведущие наблюдение за нашими частями на том берегу.

Тихонько полазив в прибрежных камышах, Василий попытался найти хоть какой-нибудь старый полузатопленный челн: мало ли, вдруг местные здесь рыбу ловят? Но ничего найти не удалось. «Ну ладно, расскажу об увиденном старшине, а там что-нибудь придумаем», – решил он, отправляясь в обратный путь.

Уже вечерело, когда Василий, ведомый каким-то непонятным чувством, вышел прямо к пилораме. Старшина лежал с белым как полотно лицом. Не обращая внимания на что-то мычащего сквозь кляп немца, Василий бросился к Кузьмину и, опустившись на колени, стал хлопать его по щекам, решив, что тот без сознания:

– Товарищ старшина! Федор Николаевич!

Кузьмин испуганно дернулся, открыл глаза, отшатнулся:

– Васька, ты что, сдурел? Что творишь-то?

Василий довольно выдохнул:

– Живой! Я зашел, смотрю, вы лежите и не шевелитесь, – начал он объяснять свое поведение, – испугался жутко. Решил, что сознание потеряли.

– Тебя бы, дуралей, так разбудить! Кондрашка едва не схватил, – недовольно буркнул Кузьмин. – Доктор недавно приходил, рану почистил, вот меня и разморило с устатку.

– Извините, товарищ старшина, испугался сильно, – продолжал оправдываться Василий.

– Ладно, ничего, только ты следующий раз, прежде чем по морде лупить, вначале убедись, что человек не спит. А то у кого-нибудь сердце может не выдержать от такого обраше-

ния, – спокойным голосом закончил читать мораль Кузьмин и тут же перешел к делу: – Перво-наперво отведи немца до ветру, с утра мается, а потом расскажешь о результатах своих поисков.

Закончив возиться с пленным, Василий подробно рассказал старшине об увиденном. Старшина задумался, затем подвел неутешительные итоги:

– Ну да, немцы сейчас будут здесь силы наращивать. Все участки, где можно к реке подойти, под контроль возьмут. Будут готовиться к форсированию. Прав был Тишкевич. Эх, задержались мы сильно! Переправиться в этом месте мы не сможем. Тем более с немцем. Я у него спрашивал, он плавать не умеет. Придется большой плот сооружать, да только, во-первых, я тебе помочь не могу, а во-вторых – немцы не позволят. Так что придется действовать по другому плану, возвращаться и обходить Лоев с востока, забирать поближе к Чернигову. Там, правда, две переправы, но немцев столько не будет. Может случиться, и какую-нибудь лодку найдем.

Когда начало темнеть, пришел Константин Егорович. Принес бутылку с водой, немного еды.

– Ну а теперь свежие новости, садитесь поближе, – сказал он, присаживаясь к старшине.

– Значит, так. Немцы приехали аккурат часов в десять. Много. Мотоциклы с пулеметами, пяток бронемашин таких интересных, спереди колеса, сзади гусеницы, а сверху пулемет стоит. Ну и десяток грузовиков. Сигнали всех жителей, потом офицер ихний бумагу зачитал, причем, подлюка, на русском языке шпарил почти без акцента. В бумаге было о том, что они освободили нас от жидов-большевиков, от рабства и так далее, то есть послушаешь – сам мессия к нам пожаловал. Потом сказали, что за укрывательство всех, кто не нравится новой власти, – расстрел. Ну и там целый список зачитал: солдаты и командиры Красной армии, коммунисты, евреи и так далее. Колхоз наш распускать не будут, сказали, чтобы с завтрашнего дня все вышли на работу ради великой Германии, которая ждет урожая. То есть, я так понимаю, теперь все зерно немцам уйдет. Хорошо, что колхозное стадо успели в эвакуацию отправить вместе с пастухами. Только это было всего неделю назад. Успели они пройти или нет, пока не знаем. Старостой назначили нашего бухгалтера. Маленький такой, вредный. Про таких обычно говорят: «Мал клоп, да вонюч». Чувствую, нахлебаемся мы с ним. Этот и перед старой властью все подхалимничал, а новой вдвойне начнет зад лизать.

– А председатель-то ваш куда делся? – перебил монолог старшина.

– Он вместе с участковым в лес ушел перед самым приходом немцев. Мужиков, которых призвать не успели, с собой увел. Ну и с соседних сел тоже некоторые в лес подались. Партизанить, наверное, будут.

– А ты-то, Константин Егорович, чего с ними не ушел? Вроде крепкий же мужик.

– Крепкий-то я только с виду. Пошел бы, да сердце слабое, полгода назад инсульт был, еле оклемался. До сих пор нельзя тяжести поднимать – потом сердце всю ночь болит, вздохнуть не могу. Председатель сказал, что без меня управятся. Глазами своими меня назначил. Сказал смотреть да все примечать.

Когда Константин Егорович ушел, Василий ненадолго отвязал немца, чтобы тот размял затекшие руки и ноги. Пленный долго не мог встать, настолько все онемело. Потом несмело под присмотром Василия побродил кругами по цеху. Он не понимал, что нужно от него этим русским. Если взяли в плен, то почему не ведут в разведотдел или штаб, то есть куда положено. И самое главное – что с ним будет дальше? Этот раненый днем спрашивал, умеет ли он плавать. Зачем? Они будут переправляться через речку, куда так быстро продвигалась его часть, к которой он так и не успел присоединиться. Проклятый чирей! Все из-за него! Сейчас бы спал себе спокойно после сытного ужина. Но надо же, приходится сидеть в этом сарае с двумя сумасшедшими русскими, а самое главное, что жизнь висит на волоске. И может быть, в итоге убьют за то, что он не умеет плавать. Но когда он мог этому учиться, сутками напролет пропадая на полях! Да и рядом не было никакой более-менее подходящей для этого лужи. Иногда

плескались с братьями в маленьком пруду, который находился в старом песчаном карьере. Но там воды было всегда ровно по колено. Так что о том, чтобы научиться плавать, как это умеют многие, речи даже не шло.

Утром снова наведаясь доктор. Внимательно осмотрев рану, сделал неутешительный вывод:

– Никуда, Федор Николаевич, я тебя не отпущу. Началось загноение. Если не хочешь умереть через несколько дней от заражения крови, необходимо лечение. Боюсь, затянется надолго. Так что не геройствуй. Я сегодня ночью был у партизан. У них пока своего доктора нет, а раненые уже есть. Вчера засаду на немцев делали, первый бой приняли. Даже пару немцев подстрелить получилось, а у самих только одного в руку ранило. Вроде у них в партизанском лагере из райбольницы лекарь вот-вот должен появиться, но пока тишина. Поэтому я и понадобился. Свинкин доктор – тоже доктор, а я прямо как доктор Айболит. Помните у Корнея Чуковского: «Приходи к нему лечиться и корова, и волчица. И жучок, и червячок, и медведица. Всех излечит-исцелит добрый доктор Айболит».

Игнат Поликарпович рассмеялся и продолжил уже серьезно:

– Так вот, поговорил я насчет тебя, Николаевич. Сегодня к вечеру за вами придут и отведут на партизанскую базу. Она километрах в десяти отсюда, среди болот. Там безопасно будет. Подлечишься, на ноги встанешь, а там как сам решишь. Захочешь – останешься в отряде, не захочешь – двинешь на восток. Главное, что ты здоровый будешь. Ну а Васька тоже пусть решает, оставаться с тобой и воевать в отряде или идти дальше. Ну и напоследок самое неприятное – немцы стерегут берег реки пуще глаз. Объявили, что если увидят какую-нибудь лодку, сразу будут уничтожать не разбираясь. Говорят, что еще одна дивизия сюда подошла, будут переправу готовить. Все дороги заняты, не пройти. В лесах около реки как муравьи кишат. У нас туда пацанята на рыбалку хотели сходить, так их чуть не расстреляли. Потом, правда, ремнем по заднице надавали и удочки переломали. Ну и черт с ними, хорошо, что все живые вернулись. Под Лоевом лес рубят, говорят, скоро форсировать начнут. Так что обстановка у нас тут напряженная, не забалуешь. Ну ладно, – он засобирился, – пора домой идти. Надеюсь, встретимся уже у партизан.

Когда доктор ушел, старшина долго лежал, поглядывая в потолок. Потом поревел взгляд на Василия:

– Ну что скажешь, Васек?

– А что тут говорить, товарищ старшина, доктор же ясно сказал, что идти вам нельзя. Думаю, провожу в отряд, а сам двинусь на выход, к своим. Сами же сказали, что Тишкевич переживает. Дойду и расскажу, что да как. Может, и получится как-нибудь вас на тот берег переправить. Не все же фрицы оплели своей паутиной, наверняка проход можно найти.

Вечером, как и говорил доктор, к пилораме пришла группа вооруженных людей в гражданской одежде. С собой они принесли самодельные носилки.

– Тут недалеко на дорожке повозка стоит. На ней поедете, как барин, – сказал молодой парень в форме милиционера, проверив документы у старшины и Василия.

– Ваш немец? – кивнул он в сторону привязанного к столбу пленного.

– Наш! – гордо ответил Василий.

– Молодцы, – похвалил милиционер, – мы давеча двоих из засады убили. Правда, потом броневик подъехал, пришлось отступить, а так еще сколько-то положили бы. Ну ладно, заберите его и пойдём, в отряде разберемся, что с ним делать.

Собрав нехитрые пожитки, двинулись в путь. Четверо партизан, периодически меняя друг друга, несли носилки. Сзади всей процессии шагал Василий, то и дело подталкивая немца стволом винтовки, не давая тому отставать.

Глава 4

Уже ночью по известным партизанам тропкам добрались до лагеря. Лошадь оставили недалеко от края болот в замаскированном сарайчике, который охраняли партизанские дозорные. А сами, снова переложив старшину на носилки, двинулись через топь, шагая нога в ногу с проводником, который знал секретную тропу на остров.

Разместив старшину в небольшом шалаше, где находилась медицинская служба отряда, состоящая из пожилой женщины, до войны работавшей акушеркой в Лоеве, Василий вернулся к немцу, которого он оставил под присмотром партизан. Тот стоял возле костра в центре окружавших его людей, испуганно озираясь по сторонам. Партизаны шутили между собой, то тут, то там раздавался негромкий смех. В этих шутках не было ненависти к этому немецкому солдату, угодившему в плен. Никто не желал зла бедолаге, волею судеб оказавшемуся сейчас среди белорусских болот. Скорее, больше потешались над его страхом: «Ишь как боится, трясется, словно осинка!», «Лишь бы не обмочился от страха, Аника-воин», «Думает, наверное, что мы его сейчас на костре зажарим да съедим без соли», «Гитлер-то его небось настрашал, что у нас по ночам рога да копыта вырастают», «А может, он Петруню испугался? Того в темноте увидишь – сам полные штаны наложишь».

Партизаны тут же принялись наперебой рассказывать про своего однополчанина, высокого здоровяка Петра Кочана – человека необычайной силы, который на спор мог завязать в узел длинный гвоздь или разогнуть подкову, но при этом был чрезвычайно добрым и тихим парнем. Винтовка в руках этого исполина казалась тонкой палочкой, а пистолет запросто прятался в ладонь. В первом бою, который партизаны приняли накануне, Петр собственными руками свалил подрубленное дерево, которое перегородило дорогу и заставило немецкую колонну остановиться.

Василий подошел и встал рядом с немцем, всем своим видом показывая, кому принадлежит этот неказистый трофей. Партизаны тут же переключились на него: «Это где ты такого дохлого выбрал? Или они все там такие?», «А что это он у тебя пугливый такой?», «Ты его, хлопец, научил бы русскому языку хотя бы! А то ни бельмеса не понимает. Стоит, глазками хлопает».

Через несколько минут шутиливой перепалки с партизанами к Василию подошел тот самый милиционер, который приходил за ними на пилораму. В дороге они познакомились, и Василий знал, что милиционера зовут Илья.

– Ну что, Вась, давай немца в землянку отведем, там его покормят и будут стеречь. А мы с тобой сейчас к старшине твоему пройдем. Тебя там наши командир с комиссаром ждут.

– Товарищи, расступитесь, – Василий взял немца под локоть и легонько толкнул из круга.

На краю лагеря была вырыта небольшая землянка, специально предназначенная для будущих задержанных, вот немцу и пришлось стать в ней первым постояльцем. Рядом с крепкими дверями, запирающимися на большой тяжелый замок, уже сидел часовой – бородатый старик, сжимающий в руках охотничье ружье.

– Это отец нашего председателя, – тихонько сказал про него Илья, когда они направлялись в медпункт, к старшине. – С немцем еще в империалистическую воевал, потом партизанил в этих краях. Как фашисты сюда подходить стали, берданку свою закинул на плечи и в отряд. Каждую тропку, каждое деревцо здесь знает. Это он, кстати, первого немца убил в бою. Не поверишь, из своего ружья. Зарядил волчьей пулей – и раз, фрицу прямо в голову метров со ста.

Кузьмину только что обработали рану, и пожилая женщина под светом керосинки заканчивала его перебинтовывать. В шалаше, наблюдая за работой медика, сидел командир отряда, невысокий крепкий мужчина в кепке, к которой была приколотая красноармейская звездочка.

Рядом с ним находился комиссар, такой же невысокий, с клиновидной бородкой и с красной повязкой на левом рукаве.

– Ну, садись, герой-разведчик, – поприветствовал вошедшего Василия комиссар, протягивая руку, – а мы тут уже с твоим командиром беседуем. Хочется поскорее узнать, что за гости к нам пожаловали, – улыбнулся он.

– Иван Афанасьевич, не мы к вам пожаловали, а вы с Прокофием Степановичем нас приютили, – улыбнулся Кузьмин, кивая на командира отряда. Затем повернулся к Василию: – Присаживайся, Васек, я товарищам в двух словах рассказал, кто мы, откуда и как в этих краях оказались.

Проговорили почти час. Решали, что делать дальше. Было ясно, что пока старшина не выздоровеет, выходить в сторону фронта он не сможет. Поэтому было решено, что он останется в отряде. Дальше зашел спор о судьбе Василия. Командир и комиссар настаивали, чтобы и он остался в отряде. Дескать, сил и так мало, а опытных бойцов по пальцам пересчитать можно, да и те оружие последний раз в двадцатых годах держали. Недавняя операция против немцев при надлежащей подготовке прошла бы намного успешнее, и повезло, что отделались всего одним раненым. Если бы немцы успели очухаться, то несладко бы пришлось партизанам в том бою. Опытные бойцы и командиры, такие как он и старшина, нужны сейчас, чтобы научить людей воевать.

– Враг, он всегда враг. И неважно, где ты его убиваешь – на фронте или в тылу. В тылу даже сложнее это делать, ведь ты не чувствуешь, что тебя прикрывают со спины, враг может оказаться везде. Здесь такой же фронт, только он особый, не имеет четкой линии, – толковывал Василию комиссар.

– Товарищ комиссар, – парировал в ответ Василий, – вон товарищ старшина у вас пока остается. Уж опытней его во всем полку не сыскать. Он ваших ребят такому научит, что даже я не знаю. А меня на той стороне ждут, мы же в тыл не на прогулку ходили, нас там командир роты ждет, ребята. Что они подумают, когда узнают, я решил остаться здесь! Они каждую ночь на задания ходят в немецкий тыл, такие же необученные, молодые. Мое место там, с ними. Не уговаривайте меня, пожалуйста, я давно решил, что вернусь к своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.